

мый в монографии богатый иллюстративный материал (пять репродукций исторических карт и восемь схем), дающий пространственную локализацию рассматриваемых “территориальных” сюжетов.

В заключение автор не ограничивается подведением итогов проделанной работы и перечислением конкретно-исторических выводов, но предлагает читателям пять уроков, которые можно извлечь из опыта развития Соединенных Штатов второй половины 1830-х – 1840-х годов для использования в сфере практической политики. Нет необходимости перечислять их все, достаточно остановиться на последнем

из них – наиболее важном, по мнению автора работы: “Поступательное движение вперед осуществляется не через игнорирование или сглаживание главных противоречий, присущих каждому обществу, а через их обострение и последующее преодоление. Это единственная возможность сохранить и защитить общегосударственные ценности, не принося их в жертву узкокорыстным интересам отдельных групп внутри общества” (с. 280).

Т.В. Алентьева,
доктор исторических наук, профессор
Курского государственного университета

Г.А. Тюрина. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ В ЕВРОПЕ В XVIII – начале XIX в.: ХРИСТИАН ФРИДРИХ МАТТЕИ (1744–1811). М.: Языки славянской культуры, 2012, 408 с.

Книга представляет собой первую монографию о жизни и деятельности выдающегося немецкого филолога-классика, палеографа и педагога Христиана Фридриха Маттеи (1744–1811)¹. Выход монографии приурочен к двухсотлетию со дня кончины ученого (27 сентября 2011 г.). По словам Г.А. Тюриной, фигура главного героя ее научных изысканий “до сих пор остается вне рамок своей эпохи, за пределами истории европейской науки и культуры рубежа XVIII–XIX столетий” (с. 9). Цель автора книги – определить подлинное место личности и деятельности ученого в истории культуры.

Изучение темы строится по проблемному принципу. Книга основана на многочисленных репрезентативных источниках (автобиография Х.Ф. Маттеи 1804 г., его письма к коллегам; изданные и неопубликованные научные труды ученого, в предисловиях к которым он рассказывает и о себе; рукописи архива Маттеи, книги личной библиотеки; изучавшиеся им греческие рукописи IX–XVIII вв. и сохраняющие многочисленные следы его работы) из российских и зарубежных библиотечных собраний и архивохранилищ.

Монография состоит из пяти глав: в первой главе дан анализ историографии и источниковой базы вопроса, во второй главе – очерк биографии Х.Ф. Маттеи, в третьей главе подробно рассказывается о деятельности ученого по каталогизации греческих рукописей московских собраний, в четвертой главе показана его

поистине титаническая исследовательская и научно-издательская деятельность; истории и составу личной коллекции греческих рукописей Маттеи, а также вопросу о хищении ученым манускриптов из московских собраний, посвящена заключительная глава книги.

В двух приложениях впервые опубликованы документы, содержащие новые ценные сведения по биографии ученого, подчас побуждающие пересмотреть некоторые казавшиеся бесспорными факты, связанные с его жизнью и деятельностью, а также – по истории Императорского Московского университета последней трети XVIII – начала XIX вв. Речь идет о 16 письмах Маттеи, адресованных голландскому филологу Д. Рункену (1777–1788), по одному письму Маттеи к ученым Л.К. Валькенау (1778), Д. Виттенбаху (1784), издателю И. Г. Брейткопфу (1788), неустановленному лицу (1803), а также – о восьми письмах к его непосредственному начальнику и покровителю М.Н. Муравьеву (1805–1806) (с. 264–354). Все документы и многочисленные цитаты из них в тексте приведены на языке оригинала (латынь, греческий, немецкий) с параллельным переводом на русский язык и научными комментариями. В приложении 2 опубликована отдельная, но непосредственно связанная с содержанием монографии, работа Г.А. Тюриной: “Автограф Исаака Ньютона в Российском государственном архиве древних актов” (с. 354–367). Книга содержит интересные иллюстрации (изображения единственного известного автору силуэта Х.Ф. Маттеи, оттиска его личной подписи из письма Д. Рункену, двух записей о студентах одного

¹ Ответственный редактор издания – крупнейший отечественный специалист по греческим рукописям д.и.н., проф. Б.Л. Фонкич.

периода времени (середина–вторая половина 1760-х годов) Х.Ф. Маттеи и И.В. Гёте в учетной книге Лейпцигского университета и др.), систематизированную библиографию, развернутую аннотацию на немецком языке (с. 385–389), указатель имен, а также оригинальный тематический указатель шифров рукописных книг и документов, рассеянных по архивохранилищам мира (с. 398–400).

Как справедливо указывает автор, научная литература по теме относительно невелика, и если писавшие о Маттеи современники и очевидцы в один голос говорят о нем “с восхищением и благодарностью” (с. 12), то в большинстве публикаций позднейших исследователей профессор характеризуется в первую очередь как “расхититель” греческих рукописей из фондов московских Синодальной и Типографской библиотек. Долгое время обширная тематика его научной, издательской, а также педагогической деятельности, уникальной частной коллекции греческих рукописей, – почти не привлекала к себе пристального внимания историков, и лишь в последние два десятилетия ситуация благодаря исследованиям Б.Л. Фонкича, В.В. Цаплина, Г.А. Тюриной стала меняться (с. 25–26).

По указу Екатерины II, сообщенному в Московский университет Г.А. Потемкиным, Маттеи поручили весьма сложную и трудоемкую работу по разбору, изучению и описанию греческих рукописей московских собраний. Помимо этого он вскоре начинает публиковать греческие рукописи с пометкой “прежде не издававшиеся, по московским рукописям”, делая их достоянием европейской научной общественности (с. 71). Живя в Москве (1772–1784), считавшейся в то время не самым подходящим местом для занятий наукой, Маттеи не порывал связей с европейским академическим и университетским сообществом, ведя переписку с профессором Лейденского университета Давидом Рункеном (1723–1798), помощь которого была для него чрезвычайно важна. Для получения книг из Голландии Маттеи прибегал к услугам книготорговца при университетской книжной лавке Христиана Рудигера, “у которого были налажены связи с книжной лавкой в Амстердаме” (с. 84).

Говоря о жизни Маттеи по возвращении в Германию (1784–1803), Г.А. Тюрина пишет, что в распоряжении историков нет доказательств о связи между событиями продажи ученым в 1788 г. почти всей богатейшей личной коллекции греческих рукописей Дрезденской библиотеке курфюрста и вскоре последовавшим его назначением профессором в Виттенберге, где он “начал получать жалование от самого курфюрста Саксонского” (с. 97).

Также не до конца ясны истинные причины, побудившие в 1803 г., почитаемого в научном мире, ректора и профессора Виттенбергского университета Х.Ф. Маттеи без долгих раздумий принять предложение товарища министра народного просвещения (1803–1807), попечителя Московского учебного округа М.Н. Муравьева (1757–1807) о занятии кафедры греческой словесности и древностей в Московском университете, обновлявшемся под началом этого сановника.

В отличие от европейских профессоров, выстраивавших свою жизнь и научную деятельность исходя из общепринятых норм о внутренней университетской автономии и традиционно пользовавшихся привилегированным статусом, в России начала XIX в. “преподаватель университета и морально и материально полностью зависел от государства – его намерений, политики, поддержки”². Изучение памятников античной словесности рассматривалось М.Н. Муравьевым в качестве важнейшего условия созидания русской национальной культуры. В период его попечительства в университете (1803–1807) ординарному профессору Маттеи были предоставлены прекрасные условия для занятий научно-педагогической деятельностью. Интересно, что последний принадлежал к числу профессоров-иностранцев Московского университета второй половины XVIII – первой трети XIX вв., оставивших после себя известных учеников (П.А. Сохацкий, Р.Ф. Тимковский, в определенной мере А.С. Грибоедов, И.М. Снегирев) (с. 262).

Затрагивая вопрос об идеологических воззрениях Маттеи, можно отметить, что, являясь глубоким знатоком и почитателем литературных шедевров античной классики, ученый исповедовал имперский образ мышления, “посредством которого римляне когда-то стали властителями мира” (с. 114, 352). Будучи глубоко погруженным в изучение древнего мира и греческих манускриптов, профессор отнюдь не являлся бесстрастным наблюдателем александровской реформы начала XIX столетия в сфере российского просвещения и образования. Свои московские наблюдения он соотносил с более близким ему европейским культурным и научно-образовательным укладом. В одном из опубликованных в книге писем к Муравьеву, Маттеи с нескрываемым возмущением говорит о том, что некоторые молодые люди, русские и иностранцы, упорно стремятся стать студентами Московского университета, “поскольку с этим связан определенный чин”, указывая

² Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань, 2003, с. 152.

на несовместимость данной государственной меры с идеей личного призвания к научной или педагогической деятельности (с. 347–348).

Изучение научной биографии Маттеи поставлено автором в широкий исторический и культурологический контекст. Тщательному рассмотрению научной деятельности Маттеи по каталогизации греческих рукописей московских собраний предшествуют содержательные и интересно написанные очерки истории возникновения фондов греческих кодексов московских собраний, каталогизации греческих книжных фондов московских собраний до конца XVIII в., истории каталогизации фондов греческих манускриптов в Европе на протяжении XVIII столетия, – “важнейшего периода в развитии греческой палеографии” (с. 164). Автору книги удалось избежать опасности подмены изучения биографии человека, рассмотрением современных ему общественных процессов и событий истории науки и культуры. Благодаря искусному использованию Тюриной многочисленных и нередко обширных цитат из опубликованной в приложении 1 переписки и других документов, у читателя возникает эффект “живого присутствия” фигуры ученого на протяжении всего объемного повествования.

Диапазон научных интересов Маттеи был обширен. Г.А. Тюрина подробно изучает исследовательский “задел” ученого, состоящий из изданных, а также неопубликованных сочинений: приведенная в книге библиография печатных трудов Маттеи включает в себя 83 наименования (с. 210–216).

По предположению автора, Маттеи “был единственным ученым-филологом, имевшим в то время собственную рукописную коллекцию” (с. 219). Поскольку каталога этой коллекции не сохранилось, автор реконструирует его состав, используя сведения о рукописях Маттеи, поступивших в различные архивохранилища, а также на основании данных его личной переписки и сообщений, содержащихся в его печатных изданиях. По мнению автора, на сегодня можно уверенно вести речь по крайней мере о 80 манускриптах из частной коллекции Маттеи (“в их числе 33 полных кодекса (один – латинский), 42 фрагмента, один греческий документ, коробка с листами образцов греческих и латинских текстов, 15 арабских рукописей и турецкий паспорт”) (с. 221, 221–239). Все эти манускрипты во второй половине XVIII в. стоили дорого. Вполне резонен вопрос, каким образом эти уникальные богатства могли попасть в частное собрание университетского профессора Маттеи? По заключению автора, “по крайней мере 4 полных кодекса и 11 фрагментов”, “несомненно” были присвоены уче-

ным во время работы с фондами Синодальной и Типографской библиотек (с. 253). Опираясь на данные архивных источников и публикаций ученого, Г.А. Тюрина опровергает распространенную точку зрения, согласно которой *всё* собрание ученого состояло из похищенных памятников (с. 261). Как убедительно доказывает исследовательница, наиболее значительную часть своей коллекции Маттеи приобрел у разных лиц во время первого пребывания в Москве (включая гомеровский гимн Деметре) и на аукционах с 1784 по 1788 г. в Германии (в частности, объемный автограф Исаака Ньютона, свидетельствующий об изучении им греческой палеографии в начале XVIII в.) (с. 250–251, 362).

Рассматривая щекотливый вопрос о хищении профессором Х.Ф. Маттеи греческих рукописей, Г.А. Тюрина пишет о крайне бедственных и неблагоприятных условиях хранения рукописей и книг в московских библиотеках, в первый период (1772–1784) пребывания ученого в Москве (с. 253, 260). Примечательно тонкое замечание автора, согласно которому исследователю необходимо рассматривать с позиций историзма содержание морально-этических норм, которыми могли руководствоваться в своем повседневном поведении интересующие его люди прошлого, невзирая на их возможное несоответствие “кодексу чести” историка и его современников. Как считает автор, и позднее, в “цивилизованном” XIX столетии, некоторые “методы работы” Маттеи, которые сегодня следует считать незаконными, “были общепринятыми (Порфирий Успенский, А.А. Дмитриевский, А.И. Пападопуло-Керамевс и др.)”, благодаря чему современные исследователи и располагают многими уникальными источниками (с. 260). “Остается только удивиться, как мало ученый присвоил при том, что в течение нескольких лет во время работы над каталогом он был практически полновластным хозяином греческого рукописного фонда московских библиотек, имел возможность забирать нужное ему количество кодексов для работы домой и держать их у себя в кабинете по несколько месяцев. Одновременно у него находились до 20 манускриптов, с которыми он мог обращаться как угодно свободно, но, однако, ученый не злоупотреблял этой свободой”, – пишет автор (с. 261).

К сожалению, книгой не очень удобно пользоваться, поскольку в ней после заключительной технической страницы следует обширная иллюстративная вклейка, из-за чего читатель вынужден специально разыскивать страницы оглавления. Вызывает сожаление скромный тираж (600 экз.), талантливо написанной монографии, которую ее автор скромно называет

“пусть малым, но благодарным приношением замечательному ученому, истинному труженику науки и образования, обогатившему своими трудами российскую и европейскую культуру, спустя 200 лет после его кончины” (с. 263). Высказанные замечания относятся скорее к издателям книги, нежели к ее автору и, возможно, могут быть устранены при новом ее издании.

Хотелось бы отметить, что далеко не все стороны биографии Маттеи получили должное освещение на страницах рецензируемой монографии, что, на наш взгляд, обусловлено сфокусированностью исследования прежде всего на научной и издательской сферах в жизни ученого и общим состоянием источниковой базы вопроса³. В частности, будущему биографу Х.Ф. Маттеи, вероятно, предстоит продолжить научный поиск по направлениям следующих, в значительной мере, остающихся “открытыми” проблемам: взаимоотношения Маттеи с руководством и с коллегами в Московском университете, особенно в первый период своего

³ Архив Императорского Московского университета, содержащий важнейшие документы по его истории за весь предшествующий период его существования, почти полностью погиб во время пожара в 1812 г.

пребывания (1772–1784) и в последние годы жизни в Москве (1807–1811); Маттеи в кругу семьи; биографические сведения о последних годах его жизни (1807–1811); участие ученого в деятельности масонов⁴.

Монография помогает глубже осмыслить историю русско-европейских и русско-германских культурных связей, биографию выдающегося немецкого ученого и педагога Христиана Фридриха Маттеи, вносит ценные дополнения к истории Московского университета последней трети XVIII – начала XIX в. Она, несомненно, привлечет большое внимание историков, библиографов, филологов и всех, кто испытывает живой интерес к истории науки и культуры Нового времени.

Е.В. Кунц,
кандидат исторических наук

⁴ Г.В. Вернадский называет Маттеи “видным деятелем русского масонства” (*Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001, с. 454*). См. также: *Серков А.И. Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001, с. 529; Киселёв Н.П. Из истории русского розенкрейцства. СПб., 2005, с. 240.*